

Экономика труда

Диверсификация стратегий занятости населения России в рамках самозанятости

Елена Андреевна Колесник

ORCID: 0000-0001-5678-2257

Кандидат экономических наук, доцент,
Институт сервиса и отраслевого управления,
Тюменский индустриальный университет
(РФ, 625000, Тюмень, ул. Володарского, 38)
E-mail: kolesnikea@tyuiu.ru

Аннотация

Структурная трансформация российского рынка труда, ускоряемая цифровизацией, развитием gig-экономики и внешними вызовами, актуализирует поиск населением новых, более гибких форм занятости. Феномен самозанятости становится ключевым драйвером этих изменений, однако его влияние на реальные стратегии трудового поведения остаются недостаточно изученными. В статье анализируется диверсификация трудовых стратегий населения России в рамках самозанятости и определяется роль режима самозанятости в адаптации к условиям современного рынка труда. Исследование основано на уникальной смешанной методологии, сочетающей: анализ макростатистики (данные ФНС и Росстата) для оценки масштабов явления; анализ цифрового следа (Google Trends) для фиксации поведенческих реакций населения; углубленный контент-анализ и парсинг крупнейшего тематического сообщества самозанятых в Telegram (более 45 тыс. сообщений, 966 активных пользователей), что позволило впервые связать макротренды с микроуровневыми мотивами. В работе эмпирически доказано: самозанятость представляет собой не единую стратегию, а полимотивационный адаптивный модуль, формирующий континуум поведенческих практик. Выявлено доминирование ценностно-психологических мотивов (44% респондентов отметили недовольство наймом, 35% — стремление к автономии), что свидетельствует о проактивном сдвиге в трудовом сознании. Одновременно зафиксирован значительный вес вынужденных (макроэкономических) и социально-демографических факторов, подтверждающих роль самозанятости как критически важного социального буфера. На обширном эмпирическом материале обоснован массовый переход российских работников к модели «портфельной карьеры», предполагающей динамичное управление несколькими проектами и источниками дохода. Сделан вывод, что самозанятость в России утвердилась не как маргинальный или временный сегмент, а как системный институционализированный феномен, выступающий драйвером диверсификации занятости. Полученные результаты опровергают упрощенное восприятие режима налога на профессиональный доход лишь как фискального инструмента и демонстрируют необходимость перехода к его пониманию как фактора, формирующего новые модели трудового поведения. Это требует от государства обеспечения стабильности регулирования для снижения уязвимости самозанятых как новой категории занятых.

Ключевые слова: диверсификация занятости, трудовое поведение, gig-экономика, портфельная карьера

JEL: J21, J22, D13

Diversification of Russians' Employment Through Self-Employment

Elena A. Kolesnik

ORCID: 0000-0001-5678-2257

Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor,
Institute of Service and Sectoral Management,
Industrial University of Tyumen,^a e-mail: kolesnikea@tyuiu.ru

^a 38, Volodarskogo ul., Tyumen, 625000, Russian Federation

Abstract

The structural transformation of the Russian labor market accelerated by digitalization, gig economy development, and external challenges makes the population search for new, more flexible forms of employment. Self-employment has become a key driver of these changes, yet its impact on real labor behavior strategies remains insufficiently studied. This article analyzes the diversification of labor strategies among Russia's self-employed and defines the role of the self-employment regime in adaptation to the modern labor market. The study uses a mixed methodology combining macro-statistics (Federal Tax Service, Rosstat), digital footprint analysis (Google Trends), and in-depth content analysis with parsing of the largest Telegram community of self-employed (over 45K messages, 966 active users), linking macro-trends with micro-level motives. The resulting analysis empirically proves that self-employment is not a single strategy but a polymotivational adaptive module forming a continuum of behavioral practices. Value-based and psychological motives dominate: 44% expressed dissatisfaction with hired labor and 35% seek autonomy, indicating a proactive shift in labor consciousness. Simultaneously, forced macroeconomic and socio-demographic factors confirm self-employment as a critical social buffer. Extensive empirical material substantiates a mass transition to the portfolio career model — dynamic management of multiple projects and income sources. Self-employment in Russia has become a systemic institutionalized phenomenon driving employment diversification, not a marginal or temporary segment. The results challenge the view that the professional income tax serves merely as a fiscal tool and indicates a need to understand it as a factor shaping new labor behavior models. This requires the state to ensure regulatory stability that will reduce vulnerability among the new self-employed category of workers.

Keywords: employment diversification, labor behavior, gig economy, portfolio career

JEL: J21, J22, D13

Введение

Современный российский рынок труда находится в состоянии глубокой структурной трансформации. Она изначально была обусловлена технологическими трендами и развитием цифровой экономики, однако в последние годы приобрела дополнительную интенсивность и новые векторы под влиянием глобальных противоречий, внешних вызовов и резко обострившейся макроэкономической неопределенности. После введения санкций и изменения геоэкономических условий рынок труда претерпел значительные изменения, что актуализировало вопрос о диверсификации стратегий занятости и адаптационного потенциала населения. В этих условиях всё более заметным становится стремительный рост самозанятости, которая представляет собой не только новый специальный налоговый режим (налог на профессиональный доход, далее — НПД), но и принципиально иную форму экономической активности, альтернативную традиционным трудовым отношениям.

Рост новых форм занятости происходит на фоне «формирования единой мировой информационно-коммуникативной системы с использованием интернет-ресурсов» [Мамонтова, Мальсагов, 2021. С. 195], что коренным образом меняет содержание труда и порождает множество новых гибких форматов трудовых отношений в рамках так называемой gig-экономики. К ним, помимо самозанятости, относятся фриланс, краудворк, работа на онлайн-платформах (доставка, такси, выполнение небольших разовых заданий), аутстаффинг и другие проектные виды занятости. Самозанятость в этом ряду выступает одной из ключевых и институционализированных разновидностей, появление которой в России было обусловлено, в частности, необходимостью создания понятного налогового механизма для легализации доходов многочисленных категорий занятых, которые не попадали под традиционные режимы налогообложения как наемные работники или индивидуальные предприниматели.

Таким образом, самозанятость выступает одновременно как инструмент легализации доходов и адаптации к условиям gig-экономики и как важный индикатор смены трудовых стратегий значительной части населения, вынужденной искать новые пути обеспечения доходов и устойчивости в ответ на совокупность технологических и геополитических вызовов.

В научной дискуссии самозанятость рассматривается как важный, но внутренне противоречивый феномен трансформации рынка труда. Исследователи сходятся в том, что ее стремительный рост является индикатором структурных сдвигов, однако в интерпретации такого роста сохраняется принципиальное различие между двумя подходами. С одной стороны, доминирует инстру-

ментально-адаптивный взгляд, трактующий самозанятость преимущественно как вынужденную реакцию на кризис стандартной занятости, механизм легализации доходов и индивидуальную стратегию выживания. Так, в [Пациорковский, 2020. С. 88] самозанятость определяется как «ответ части экономически активного населения на кризис стандартных трудовых отношений». Аналогично в [Чекмарев и др., 2022. С. 238] акцентируется ее роль в «легализации теневых доходов» и отмечаются расхождения в данных Федеральной налоговой службы (далее — ФНС) и Росстата. Этот подход дополняется анализом самозанятости как способа адаптации к низким зарплатам и сокращению рынка наемного труда [Алиева, Алиев, 2023; Бычков и др., 2024; Темницкий, 2020]. С другой стороны, набирает силу трансформационный подход, подчеркивающий роль самозанятости в изменении природы труда, формировании новой субъектности работника и обновлении компетенций. В [Сизова, 2024. С. 41–42] отмечается, что в новых условиях «профессионализм становится контекстным, т. е. напрямую связан с требованиями со стороны рынка труда». Это перекликается с зарубежными исследованиями, где самозанятость рассматривается как этап карьерной траектории [Bögenhold, 2018; Koch et al., 2019; Taylor, 2009] или результат управления мотивацией под влиянием «выталкивающих» и «притягивающих» факторов [Feldman, Bolino, 2000; Patrick et al., 2016].

При этом в центр внимания попадают и социальные риски. Исследователи предупреждают, что распространение самозанятости может «поставить под угрозу сбор НДФЛ и связанных с ним отчислений в социальные фонды» [Чекмарев и др., 2022. С. 243] и не обеспечивает гарантий по временной нетрудоспособности [Бычков и др., 2024]. Зарубежные авторы также отмечают, что политически стимулируемый переход к самозанятости без адекватной поддержки может усугубить социальную уязвимость [Cieślak et al., 2025; Danson et al., 2020].

Анализ исследований, посвященных стратегиям занятости, ведущим к самозанятости, позволяет преодолеть фрагментарность в понимании этого явления, объединив разрозненные представления о нем как о вынужденной адаптации (инструментальный подход) и как о проактивной трансформации (ценностный подход), и тем самым заложить основу для изучения его роли в диверсификации трудовых стратегий населения. Эта дихотомия находит свое отражение и конкретизацию в работах российских авторов, которые исследуют различные грани и мотивы перехода к самозанятости. Так, российские ученые выделяют такие ракурсы, как адаптационная стратегия в качестве вынужденного ответа на кризис [Муханова, 2022; Темницкий, 2020], стратегия максимизации текущего дохода

[Покида, Зыбуновская, 2024], компенсация дисфункций рынка [Колесник, Половинко, 2023] и дифференциация по ресурсному потенциалу [Гневашева, Ильдарханова, 2021].

Таким образом, в литературе сложилось понимание самозанятости¹ как двойственного явления (вынужденная адаптация и проактивная трансформация), формирующегося на пересечении макроструктурных изменений и микроуровневых решений работников. Однако сохраняется дефицит эмпирических исследований, изучающих ее именно как фактор диверсификации конкретных трудовых стратегий на микроуровне. Малоизученными остаются вопросы о том, как самозанятость фактически комбинируется с другими формами занятости, какова реальная, ситуативно проявляющаяся мотивация перехода и как работники реагируют на изменения регулирования в повседневных практиках. Большинство работ фокусируется на макростатистике, правовом режиме или теоретической дихотомии, оставляя за рамками анализ связи поведенческих паттернов с макротрендами.

Настоящее исследование направлено на решение конкретных задач, остающихся на периферии современных исследований самозанятости, его цель заключается в анализе диверсификации трудовых стратегий населения России в рамках самозанятости и выявлении роли режима самозанятости в адаптации к условиям современного рынка труда. В работе применяется смешанная методологии, позволяющая связать макростатистические тренды с микроуровневыми поведенческими данными и мотивационными установками, а также эмпирически обосновать переход к модели «портфельной карьеры» как результата этой диверсификации. Выводы и аргументы исследования могут быть использованы лицами, принимающими решения, для совершенствования государственной политики в сфере занятости и социального обеспечения. В частности, в работе обоснована необходимость перехода от восприятия режима НПД исключительно как фискального инструмента к его пониманию как фактора, формирующего новые модели трудового поведения. Учет этого положения при выработке политических решений будет способствовать снижению социальных рисков и повышению устойчивости занятости в условиях неопределенности.

---

¹ Определение термина «самозанятые» у Росстата и ФНС различается. У Росстата это лица, «не использующие наемный труд (владельцы — управляющие компаниями без наемных работников; самозанятые на семейных предприятиях, ориентированных на рынок, без наемных работников)» (Труд и занятость в России. 2025: Статистический сборник. М.: Росстат, 2025. С. 12); у ФНС — «физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели, перешедшие на специальный налоговый режим “Налог на профессиональный доход”» (Федеральный закон от 27.11.2018 № 422 «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход”», ст. 4, п. 1). Различие заключается в наличии не только факта занятости, но и официальной регистрации и типа применяемого режима налогообложения.

1. Материалы и методы исследования

Для достижения цели исследования был использован смешанный методологический подход, объединяющий количественный анализ статистических данных и качественное изучение эмпирических материалов. Исследование построено на комбинации следующих методов.

1. Вторичный анализ статистических данных — для выявления макротрендов и структурных изменений на рынке труда. Использовались данные ФНС и Росстата за период 2020–2025 годов. Особое внимание уделялось динамике численности самозанятых, их региональному распределению, объемам доходов и налоговых отчислений.

2. Анализ цифрового следа — для изучения поведенческих аспектов и мотивационных установок населения. С помощью сервиса Google Trends анализировалась динамика поисковых запросов, связанных с самозанятостью, за период с 2019 по 2026 год. Это позволило выявить изменения в общественном интересе, а также реакцию населения на изменения в регулировании.

3. Анализ данных цифровых сообществ (парсинг и контент-анализ) — для углубленного изучения мотивов и стратегий самозанятых на микроуровне. В качестве основного источника эмпирических данных было выбрано тематическое сообщество в Telegram «Беседа Самозанятые.рф».

На первом этапе с помощью методов парсинга (краулинга) был осуществлен автоматизированный сбор и структурирование массива текстовых сообщений. Его характеристики представлены в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Источник и параметры эмпирических данных

T a b l e 1

Source and Parameters of Empirical Data

Название канала	Период сбора данных	Объем собранных данных	Активные пользователи (для анализа)
«Беседа Самозанятые.рф» @selfworkchat	01.06.2025–30.11.2025	45 780 текстовых сообщений	966 уникальных пользователей (12% общего числа)

Источник: составлено автором.

Названная группа была целенаправленно выбрана для анализа, поскольку представляет собой богатейший эмпирический источник для изучения диверсификации трудового поведения в реальном времени. Как крупнейшее и наиболее активное открытое сообще-

ство самозанятых, оно концентрирует обсуждение всего спектра стратегий занятости — от вынужденного перехода после потери работы до осознанного построения «портфельной карьеры», совмещения подработки с основным наймом и тестирования предпринимательских идей. В формате живого неформального чата участники делятся опытом адаптации, раскрывая не декларируемые, а реальные мотивы (ценностные, вынужденные, ресурсные), что позволяет изучать, как самозанятость влияет на конкретные трудовые решения и практики. Высокая активность и разнообразие обсуждаемых в сообществе тем (налоги, поиск заказов, баланс с другими видами занятости, реакция на изменения в законах) обеспечивают репрезентативную картину именно диверсифицированных стратегий, в отличие от более узких или малочисленных групп. Таким образом, эта площадка является оптимальным источником для верификации на микроуровне тех макротрендов диверсификации, которые выявлены через статистический анализ и цифровой след.

На втором этапе проведен ручной и полуавтоматизированный контент-анализ полученного массива данных. Выделены ключевые тематические кластеры, а высказывания, содержащие эксплицитные или имплицитные указания на причины перехода или пребывания в статусе самозанятого, отобраны для последующей классификации мотивов и построения типизированных портретов. Такой подход позволяет выявить не декларируемые, а реальные, ситуативно проявляющиеся мотивы и стратегии, лежащие в основе выбора самозанятости.

4. Классификация и типологизация — на основе полученных данных выделены ключевые мотивационные кластеры и построены типизированные портреты самозанятых, что позволило перейти от количественных показателей к качественной интерпретации трудовых стратегий.

Таким образом, сочетание статистического, поведенческого и контент-анализа обеспечило многомерное рассмотрение феномена самозанятости, позволив соединить макроэкономическую динамику с микроуровневыми практиками и мотивациями населения.

Признавая значимость полученных результатов, важно отметить методологические границы работы. Во-первых, выборка для контент-анализа, хотя и репрезентативна для активной цифровой аудитории, не претендует на полное отражение всего массива самозанятых в России, среди которых могут быть группы с низкой цифровой активностью. Во-вторых, данные Google Trends отражают интерес, а не фактическое поведение, что диктует необходимость критического подхода при интерпретации. В-третьих, официальная статистика (ФНС, Росстат) может содержать лаги и методические расхождения в учете платформенных работников и самозаня-

тых, что отмечено в анализе. Эти ограничения задают направления для будущих исследований, включая проведение репрезентативных опросов и углубленного сравнительного анализа данных из различных источников.

2. Результаты исследования

Статистический портрет самозанятости в России: масштабы, динамика и региональный контекст диверсификации

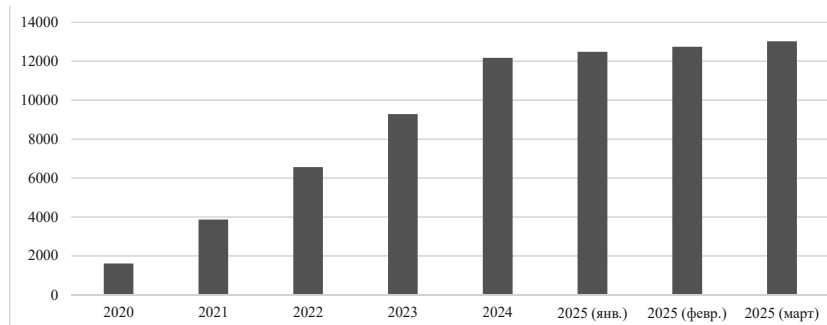
Самозанятость в России, формируя принципиально новые модели трудового поведения, стала ключевым драйвером диверсификации стратегий занятости. Анализ этого феномена сопряжен со значительной методологической сложностью, обусловленной противоречивостью и неполной сопоставимостью статистических данных. Официальная статистика (Росстат, ФНС), оценки аналитических групп (ВШЭ, ВЦИОМ) и данные цифровых платформ зачастую не коррелируют между собой, что отражает различия в критериях учета, методах сбора и самой объектной области. В частности, сохраняется проблема статистического отсека платформенных работников от самозанятых, регистрируемых в специальном налоговом режиме. Однако это концептуальное и цифровое противоречие само по себе служит весомым материалом для анализа, поскольку высвечивает многогранность и ускользающую природу современной самозанятости, а масштаб расхождений косвенно указывает на значимость происходящих сдвигов.

Полученные количественные результаты, несмотря на отмеченные сложности, однозначно свидетельствуют о масштабности происходящих изменений. Существенный рост числа самозанятых — более чем в 7,5 раза за период 2020–2024 годов и достижение отметки в 13,5 млн чел. к маю 2025 года — является прямым индикатором массового пересмотра населением своих трудовых стратегий (рис. 1).

Эта динамика не является краткосрочной реакцией на кризис, она демонстрирует устойчивую тенденцию перехода к гибким, зачастую полиактивным, формам получения дохода.

Данные Росстата, основанные на регулярных обследованиях рабочей силы, подтверждают эту тенденцию, одновременно раскрывая важные социально-демографические аспекты диверсификации (рис. 2).

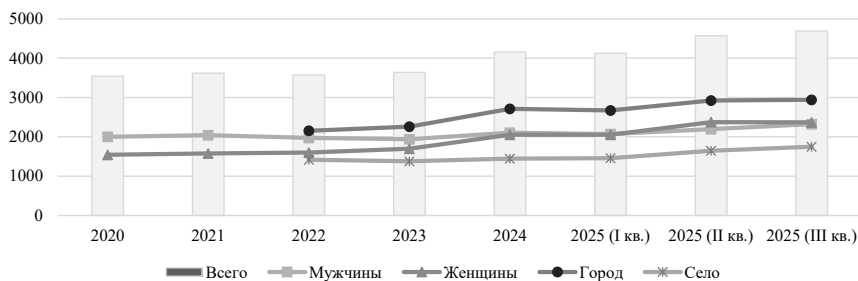
Согласно официальной статистике, численность самозанятого населения (в методологии, действовавшей до 2022 года) составляла в 2020 году 3,54 млн чел., а в 2021 году выросла до 3,62 млн чел.

Источник: Платформа поставки данных ФНС России. <https://geochecki-vpd.nalog.gov.ru/self-employment>.

Рис. 1. Динамика численности самозанятых в России по методологии ФНС (тыс. чел.), 2020 — апрель 2025 года

Fig. 1. Change in the Number Self-Employed in Russia (thsd persons), 2020 — April 2025

Источник: Итоги выборочного обследования рабочей силы. <https://rosstat.gov.ru/folder/111110/document/13265>.

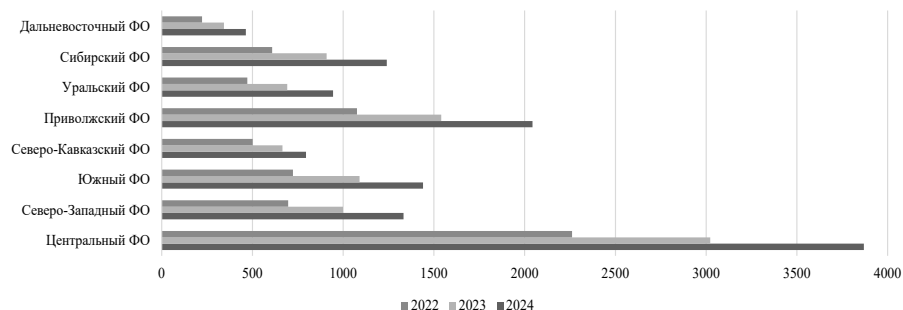
Рис. 2. Динамика численности самозанятых в России по методологии Росстата (тыс. чел.), 2020 — III квартал 2025 года

Fig. 2. Change in the Number of Self-Employed in Russia Under Rosstat Methodology (thsd persons), 2020 — Q3 2025

С переходом на новую классификацию (МКСЗ-18В) с 2022 года учет стал более детализированным. Численность самозанятых, не использующих наемный труд, выросла с 3,57 млн чел. в 2022 году до 4,69 млн чел. в III квартале 2025 года, увеличившись за этот период на 31%. Квартальная динамика 2025 года демонстрирует устойчивый рост: с 4,13 млн чел. в I квартале до 4,57 млн чел. во II квартале и 4,69 млн чел. в III квартале, что свидетельствует о нарастающем интересе населения к этой форме занятости. Примечательно, что динамика Росстата, фиксирующая фактическую занятость в этом статусе, коррелирует с данными ФНС о постановке на учет, хотя и демонстрирует более умеренные темпы роста, что объясняется

различиями в методиках учета (ФНС фиксирует всех зарегистрированных, Росстат — реально занятых на основной работе).

Пространственный анализ выявил ярко выраженную региональную дифференциацию, напрямую коррелирующую с уровнями экономического развития, урбанизации и проникновения цифровых технологий. Лидерство Центрального (31,8%), Приволжского (16,8%) и Южного (11,8%) федеральных округов, на которые в совокупности приходится 60,4% всех самозанятых (рис. 3), указывает на то, что диверсификация занятости через самозанятость наиболее активно происходит в экономически динамичных регионах с высокой концентрацией населения и развитой инфраструктурой сервисной и gig-экономики.

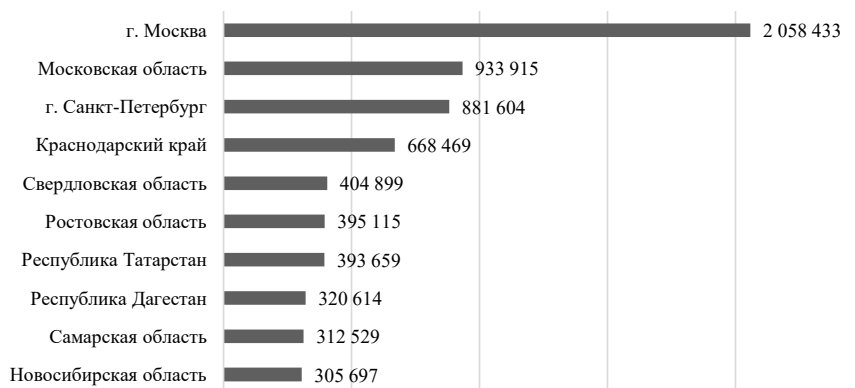
Источник: Платформа поставки данных ФНС России. <https://geochecki-vpd.nalog.gov.ru/self-employment>.

Рис. 3. Динамика численности самозанятых в разрезе федеральных округов России (тыс. чел.), 2022–2024 годы

Fig. 3. Changes in the Number of Self-Employed Individuals by Federal District of Russia, 2022–2024 (thsd persons)

Динамика в этих округах в период с 2022 по 2024 год была особенно значительной: численность самозанятых выросла на 1608 тыс. чел. (рост на 71,1%) в Центральном, на 966 тыс. чел. (89,8%) в Приволжском и на 716 тыс. чел. (99,1%) в Южном федеральных округах. Особенно показательно увеличение в ключевых субъектах: в городе Москве, Московской и Воронежской областях (на 54,9, 75,5 и 112,3% соответственно), в Краснодарском крае, Ростовской и Волгоградской областях (на 107, 93,9 и 94,8%), а также в республиках Татарстан и Башкортостан (на 52,5 и 109,4%).

В мае 2025 года в тройке лидеров по количеству самозанятых были город Москва и Московская область, город Санкт-Петербург (рис. 4). Общая численность самозанятых в стране за этот период составила 13 499 906.

Источник: рассчитано автором по данным ФНС России: Сведения о количестве самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход». <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html>.

Рис. 4. Численность самозанятых в России (чел.), май 2025 года

Fig. 4. Number of Self-Employed in Russia (persons), May 2025

Однако для корректной оценки распространенности самозанятости в регионах с разной численностью населения более показательными являются не абсолютные, а относительные величины. Так, в Чукотском автономном округе при относительно небольшом абсолютном числе самозанятых (1,5 тыс. чел. в 2024 году) их доля в занятом населении составляет 5%, что соответствует среднероссийскому уровню (5,6%). В Еврейской автономной области (6,8 тыс. самозанятых) этот показатель достигает 9,2%, а в Магаданской области (8,1 тыс.) — 10,6%, что вдвое выше общероссийского.

Эти данные свидетельствуют о высокой вовлеченности населения удаленных регионов в самозанятость, несмотря на ограниченную численность жителей и объективные инфраструктурные сложности. Высокие темпы прироста численности самозанятых в 2023–2024 годах (40,6% на Чукотке, 32,1% в Еврейской АО и 33,9% в Магаданской области) дополнительно подтверждают, что трансформация стратегий занятости через самозанятость приобретает общероссийский характер, хотя ее масштабы и скорость закономерно дифференцированы в зависимости от локальных социально-экономических условий.

Социально-демографическая структура самозанятых, по данным Росстата, также претерпевает значимые изменения, отражающие диверсификацию трудовых стратегий различных групп населения.

В гендерном разрезе наблюдается устойчивая тенденция к выравниванию (см. рис. 2). Если в 2020–2021 годах доля мужчин среди самозанятых стабильно превышала долю женщин (в 2020 го-

ду — 56,4% против 43,6%, в 2021 году — 56,4% против 43,6%), то в 2022–2023 годах разрыв начал сокращаться. В 2022 году соотношение составляло 55,2% мужчин и 44,8% женщин, в 2023-м — 53,3 и 46,7% соответственно. К III кварталу 2025 года гендерный баланс практически сравнялся: 49,5% мужчин и 50,5% женщин. Это свидетельствует о том, что самозанятость становится всё более привлекательной и доступной для женщин, предлагая гибкие форматы, позволяющие выстраивать индивидуальные стратегии занятости, балансируя между экономической необходимостью, семейными обязанностями и профессиональной самореализацией, что особенно востребовано в условиях высокой неопределенности.

В поселенческом разрезе (данные доступны с 2022 года) устойчиво сохраняется и усиливается урбанизированный характер самозанятости (см. рис. 2). Доля городских жителей выросла с 60,3% в 2022 году до 62,7% в III квартале 2025 года, что закономерно для крупных городов с их высокой концентрацией платежеспособного спроса, развитой цифровой инфраструктурой и более широким спектром видов деятельности, доступных для самозанятых. При этом доля сельских жителей среди самозанятых остается значительной — от 34,7 до 39,7% в разные периоды, что указывает на роль этой формы занятости как инструмента адаптации на локальных рынках труда с ограниченными возможностями для традиционного найма. Примечательно, что в III квартале 2025 года доля самозанятых среди сельских жителей вновь выросла до 37,3%, что может быть связано как с сезонными факторами, так и с развитием цифровых платформ, частично нивелирующих географические барьеры.

Статистика постановки и снятия с учета, демонстрирующая высокую динамику входа и выхода, говорит о том, что для значительной части населения самозанятость является экспериментальной и ситуативной стратегией. Доли снятых с регистрации в 2022–2024 годах стабильно составляли 14,9, 13,9 и 15,1% соответственно, при этом только за 5 месяцев 2025 года были сняты с учета более 160 тыс. чел., а встали на учет — более 418 тыс. Это означает, что налоговый режим используется для тестирования предпринимательских идей, решения краткосрочных финансовых задач или как дополнение к основному доходу, что формирует мозаичные и динамичные карьерные траектории, а не обязательно стабильную долгосрочную занятость.

Налоговые отчисления (141 млрд руб. за период действия режима) и объем заработанных средств (1,4 трлн руб. только в 2023 году) доказывают, что самозанятость перестала быть маргинальным сегментом и превратилась в значимый экономический институт. Рост

среднего чека² на 70% с начала действия налогового режима даже с учетом инфляционной составляющей может косвенно указывать на профессионализацию части самозанятых, повышение рыночной стоимости их труда и переход от случайных заработков к системной деятельности, однако для верификации этого вывода необходим анализ динамики реальных доходов самозанятых, что является перспективным направлением дальнейших исследований.

Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о том, что самозанятость в России выступает не просто новым налоговым режимом или пассивной реакцией на кризисные явления, а активным интегрирующим фактором диверсификации занятости. Статистический анализ, основанный на данных ФНС и Росстата, позволяет зафиксировать устойчивый и масштабный рост численности граждан, регистрирующихся в качестве самозанятых. Эта динамика является эмпирическим подтверждением возрастающего интереса населения к альтернативным формам занятости и служит индикатором институционализации этого феномена в структуре российского рынка труда. Выявленная региональная дифференциация свидетельствует о том, что распространение самозанятости опирается на уровень экономической активности и цифрового развития территорий, приобретая при этом общенациональный характер.

Вместе с тем корректная интерпретация статистики требует учета методологических ограничений исходных данных. Рост числа зарегистрированных в реестре ФНС отражает готовность граждан легализовать свой статус, но не тождественен росту фактической занятости, поскольку значительная часть зарегистрированных может не вести реальную экономическую деятельность (иметь нулевой доход). Однако сами по себе эти статистические несовершенства и противоречия в данных различных ведомств не отменяют значимости фиксируемых сдвигов, а, напротив, подчеркивают глубину трансформации традиционной картины рынка труда. Они указывают на формирование принципиально иного ландшафта занятости, где границы между наймом, предпринимательством и различными формами самозанятости размываются, а фискальный учет не поспевает за многообразием реальных практик. Зафиксированные статистикой масштабы явления создают необходимую основу для постановки вопросов о содержании этих сдвигов. Ответы на них, позволяющие раскрыть, как именно самозанятость меняет стратегии занятости и становится инструментом адаптации, требуют привлечения качественных методов

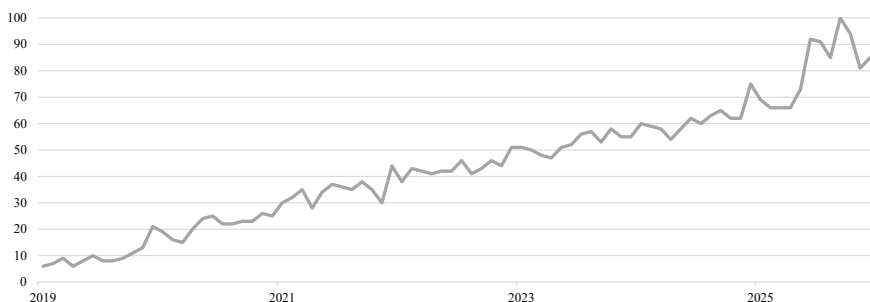
---

² В контексте самозанятых термин «средний чек» означает среднюю сумму дохода, полученную за одну операцию (одну продажу, один заказ, одну услугу).

и анализа поведенческих данных, представленных в следующих разделах работы.

Анализ цифрового следа как отражение диверсификации стратегий занятости населения

Анализ цифрового следа, а именно динамики поисковых запросов, связанных с самозанятостью, предоставляет уникальную возможность исследовать не только статистику явления, но и изменение трудовых стратегий населения на поведенческом и мотивационном уровнях. Данные Google Trends (рис. 5) показывают, как в общественном сознании формируется, трансформируется и реализуется установка на диверсификацию занятости через самозанятость.

Примечание. На оси ординат — уровень интереса к запросу «самозанятость» (баллы) по данным Google Trends за период, указанный на диаграмме. 100 баллов — максимальный уровень интереса за этот период, 50 баллов — вдвое ниже, 0 — недостаточно данных.

Источник: <https://trends.google.com/explore?geo=RU&q=%25D0%25A1%25D0%25B0%25D0%25BC%25D0%25BE%25D0%25B7%25D0%25B0%25D0%25BD%25D1%258F%25D1%2582%25D0%25BE%25D1%2581%25D1%2582%25D1%258C&date=2019-02-01%202026-01-31>.

Рис. 5. Динамика популярности запроса «самозанятость», согласно Google Trends (баллы), 1 февраля 2019 — 31 января 2026 года

Fig. 5. Change in the Popularity of “Self-Employment” Queries at Google Trends (points), 1 February 2019 — 31 January 2026

Наблюдаемый пик интереса в октябре — ноябре 2025 года (100 и 94 баллов соответственно) (рис. 5) и устойчивый рост запросов со значением «открыть самозанятость»³ (рис. 6) отражают ключевую тенденцию: самозанятость перестает восприниматься как маргинальная или сугубо вынужденная мера. Она становится осознанным элементом диверсифицированной трудовой стратегии.

Население активно ищет инструменты для легализации дополнительных доходов, совмещения видов деятельности или бы-

³ «Открыть самозанятость» — распространенный в поисковых системах оборот, обозначающий регистрацию в качестве плательщика НПД.

строго переключения между проектами. Это подтверждает тезис о формировании «портфельного» подхода к карьере — когда у человека не одна работа, а несколько источников дохода и разных профессиональных ролей, которые он совмещает или между которыми переключается.

Источник: <https://trends.google.com/explore?geo=RU&q=%25D0%25A1%25D0%25B0%25D0%25BC%25D0%25BE%25D0%25B7%25D0%25B0%25D0%25BD%25D1%258F%25D1%2582%25D0%25BE%25D1%2581%25D1%2582%25D1%258C&date=2019-02-01%202026-01-31>.

Рис. 6. Распространенные поисковые запросы в разделе «самозанятость», согласно Google Trends, 1 февраля 2019 — 31 января 2026 года

Fig. 6. Common Search Queries Under “Self-Employment” at Google Trends, 1 February 2019 – 31 January 2026

Отрицательный долгосрочный тренд по общему запросу «самозанятость» (–6%) на фоне роста конкретных практических запросов свидетельствует о рутинизации и нормализации этого явления — самозанятости как социально-экономической практики. Оно интегрируется в повседневные трудовые практики, переходя из категории новинки или тренда в категорию стандартного инструмента адаптации. Это прямой признак глубинной трансформации трудового поведения: гибкие формы занятости становятся привычным, а не экзотическим выбором.

Наиболее значимыми для понимания реактивной и ситуативной природы диверсификации являются запросы 2025 года (рис. 7).

Появление в топе запросов «закрыть самозанятость»⁴ и особенно взрывной рост интереса к «самозанятость отменят» (+1250%) раскрывают важный аспект адаптационных стратегий. Они демонстрируют высокую чувствительность населения к институциональной неопределенности. В этом контексте важно подчеркнуть, что даже проактивный и осознанный выбор самозанятости

⁴ «Закрыть самозанятость» — распространенный в поисковых системах оборот, обозначающий прекращение регистрации в качестве плательщика НПД (снятие с учета в ФНС).

Источник: <https://trends.google.com/explore?geo=RU&q=%25D0%25A1%25D0%25B0%25D0%25B3%25D0%25BE%25D0%25B7%25D0%25B0%25D0%25BD%25D1%258F%25D1%2582%25D0%25BE%25D1%2581%25D1%2582%25D1%258C&date=2025-01-01%202025-12-31>.

Рис. 7. Распространенные поисковые запросы в разделе «самозанятость», согласно Google Trends, 2025 год

Fig. 7. Common Search Queries Under “Self-Employment” at Google Trends, 2025

как карьерной стратегии не отменяет уязвимости работников перед возможными изменениями в регулировании. Запрос «самозанятость отменяют» отражает не столько сомнение в правильности выбранного пути, сколько страх перед внешним вмешательством, способным обесценить уже выстроенную стратегию занятости. Это указывает на ключевую особенность современной диверсификации занятости: переход к гибким формам труда, будучи добровольным и ценностно мотивированным, сохраняет зависимость от стабильности институциональной среды. Для значительной части самозанятых их стратегия остается неустойчивой не из-за внутренней несостоятельности, а из-за рисков, порождаемых возможной корректировкой правил игры со стороны государства. Анализ подтверждает: самозанятость выступает одновременно и пространством проактивной самореализации, и зоной повышенной чувствительности к решениям регулятора.

Анализ поисковых запросов позволяет сделать следующие выводы относительно диверсификации стратегий занятости.

1. Самоорганизация как стратегия. Рост практических запросов отражает переход от пассивного интереса к активному конструированию собственной занятости, что является ядром новой трудовой субъектности.

2. Адаптивность и ситуативность. Динамика запросов («открыть» или «закрыть») подтверждает, что самозанятость часто выступает гибким, временным модулем в общей структуре доходов, а не раз и навсегда выбранным путем. Это свидетельствует о мозаичном и динамичном характере современных карьерных траекторий.

3. Стратегия в условиях неопределенности. Высокая отзывчивость на потенциальные изменения в регулировании показывает, что диверсификация через самозанятость — это стратегия управления рисками в нестабильной среде. При этом проактивный характер этого выбора не отменяет, а, напротив, обостряет чувствительность к институциональным рискам, делая устойчивость таких стратегий напрямую зависимой от предсказуемости государственной политики.

Цифровой след не просто фиксирует популярность темы, но и визуализирует процесс принятия микрорешений на уровне миллионов людей, которые в совокупности формируют макротренд диверсификации. Это доказывает, что влияние самозанятости на трудовое поведение заключается не только в изменении формата работы, но и в трансформации способа мышления: от поиска стабильного места — к постоянному мониторингу возможностей, управлению своим профессиональным статусом и быстрой реконфигурации личной занятости в ответ на внутренние потребности и внешние вызовы.

Для углубленного изучения влияния самозанятости на трудовое поведение на микроуровне и верификации выводов, полученных из анализа статистики и цифрового следа, было проведено исследование мотивационных установок самозанятых в естественной цифровой среде. Результаты количественного распределения мотивов представлены в табл. 2.

Данные табл. 2 демонстрируют полимотивационность выбора в пользу самозанятости. Доминируют ценностно-психологические мотивы (суммарно 87% активных участников упомянули хотя бы один из них), что свидетельствует о глубокой субъективной трансформации трудовых установок: самозанятость выступает инструментом «побега» от неудовлетворяющих условий найма и обретения личной автономии. Дополнительный анализ структуры всех упоминаний ($N = 2202$) подтверждает этот вывод: на названную группу мотивов приходится более трети (38,2%) всех ответов относительно причин перехода к самозанятости, что количественно выделяет эти мотивы как наиболее значимые в дискурсе рассматриваемого сообщества.

Однако значительный вес макроэкономических (отметили 60,9% участников) и социально-демографических (38% участников) вынужденных мотивов подтверждает роль этой стратегии поведения как критически важного адаптационного буфера на рынке труда, особенно для уязвимых групп (сокращенных работников, родителей, предпенсионеров). В общем массиве упоминаемый совокупный вес этих двух типов мотивов составляет 26,8 и 16,7% соответственно, что свидетельствует об их менее активном

Т а б л и ц а 2

Структура мотивации к самозанятости среди активных участников цифрового сообщества в Telegram «Беседа Самозанятые.рф»

T a b l e 2

Structure of Motivation for Self-Employment Among Active Members of the Telegram "Self-Employed Chat.rf" Digital Community

Содержательный блок / тип мотивов	Конкретный мотив	Количество упоминаний	Доля активной группы (N = 966) (%)	Доля общего числа упоминаний (N = 2202) (%)
Ценностно-психологический	Недовольство традиционным наймом (включая иерархические отношения и офисную рутину)	425	44	19,3
	Стремление к свободе и гибкому графику	338	35	15,4
	Использование налогового режима как тестовой площадки для бизнеса	77	8	3,5
Макроэкономический (в том числе вынужденный шаг)	Желание финансовой самостоятельности и контроля над доходом	290	30	13,2
	Легализация прежних теневых доходов и неформальной занятости	174	18	7,9
	Вынужденный переход в НПД после увольнения	125	12,9	5,4
Макроэкономический (стимулирующие условия)	Простота регистрации и администрирования (НПД) как ключевой стимул	68	7	3,1
	Необходимость совмещения с семейными обязательствами, учебой	232	24	10,5
Социально-демографический	Вынужденная адаптация к рынку труда в предпенсионном и пенсионном возрастах	87	9	4,0
	Отсутствие подходящих рабочих мест в регионе проживания	48	5	2,2
Отраслевой, профессиональный	Монетизация хобби или призвания (переход в профессию через самозанятость)	193	20	8,8
	Доступ к заказам и клиентам через цифровые платформы (работа через сервисы)	145	15	6,6

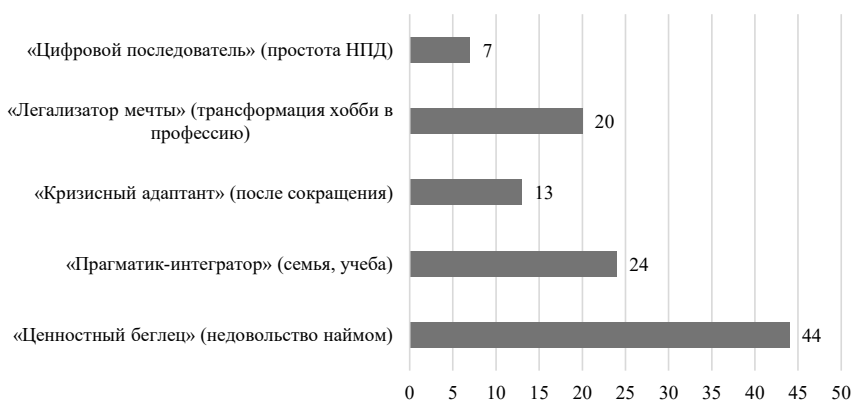
Примечание. Макроэкономическая группа мотивов разделена на две строки для разграничения разнонаправленных факторов: вынужденных (связанных с утратой работы или необходимостью легализации доходов) и стимулирующих (обусловленных простотой регистрации и ведения деятельности на НПД).

Источник: составлено автором.

обсуждении относительно ценностных мотивов, несмотря на частую встречаемость этих причин в высказываниях участников.

Присутствие профессиональных (35% участников) и институциональных (7% участников) мотивов указывает на то, что самозанятость формирует новые карьерные траектории, легитимизируя нестандартные формы профессиональной реализации. Доля указанных мотивов в общем дискурсе (3,1 и 15,4%) показывает, что, несмотря на меньшую частоту обсуждения в качестве самостоятельных тем, профессиональные мотивы (особенно реализация хобби — 8,8%) являются устойчивой и значимой частью мотивационной палитры, в то время как простота НПД редко выступает основной темой для развернутых обсуждений (3,1% упоминаний).

Чтобы перевести количественные показатели в плоскость реальных трудовых биографий и стратегий, стоит рассмотреть сформированные на основе анализа типизированные портреты участников, которые в совокупности и создают мозаичную картину современной самозанятости (рис. 8).

Примечание. Представленные портреты являются визуализацией ключевых адаптационных стратегий, выявленных в результате перехода от абстрактных мотивационных кластеров (см. табл. 2) к конкретным поведенческим типам. Название каждого типа отражает его сущностную характеристику, а числовое значение — долю данной стратегии внутри исследуемого цифрового сообщества.

Источник: составлено автором.

Рис. 8. Типичные мотивационные портреты в группе самозанятых (на основе экстраполяции данных активной группы, N = 966) (%)

Fig. 8. Typical Motivational Profiles in the Self-Employed Group (Extrapolation From the Active Group, N = 966) (%)

Рис. 8 демонстрирует, как макропроцессы диверсификации занятости преломляются в конкретных жизненных стратегиях.

Каждый элемент в диаграмме — это совокупность людей, выбравших самозанятость как ответ на разные вызовы: от эмоционального выгорания в офисе до необходимости ухода за ребенком или потери работы. Это подтверждает центральный тезис исследования: самозанятость не является единой стратегией, а представляет собой спектр адаптационных практик, объединяющих как проактивный поиск лучшего качества трудовой жизни, так и реактивные меры по выживанию в условиях нестабильности. Анализ сообщества в Telegram позволяет утверждать, что рост самозанятости в России в значительной степени обусловлен ценностным сдвигом в трудовом поведении, который тесно переплетен с макроэкономической конъюнктурой и институциональными стимулами, формируя сложный, многомерный ландшафт новой реальности рынка труда.

Подводя итог анализа, следует подчеркнуть, что самозанятость не сводится к единой стратегии. Это гибкий адаптивный механизм в системе трудового поведения, форма и роль которого для каждого человека определяются точкой пересечения внешнего давления (трансформации рынка) и внутренних условий (мотивов, ресурсов). Это приводит к массовому переходу от модели пожизненной работы к модели управления карьерным портфелем, где индивид одновременно или последовательно комбинирует несколько проектов и источников дохода.

Полученные результаты: статистические тренды, поведенческие паттерны цифрового следа и полимотивационная структура сообщества — в своей совокупности указывают на то, что самозанятость стала системным фактором, определяющим новое соотношение между традиционным наймом и предпринимательством. На рис. 9 представлена модель, которая интегрирует выявленные причинно-следственные связи.

Модель демонстрирует, как внешние структурные факторы (глобальные тренды, институциональные изменения, региональные условия), взаимодействуя с внутренними ресурсами и мотивами индивида, формируют запрос на диверсификацию и актуализируют самозанятость — ключевой адаптивный инструмент, использование которого, в свою очередь, порождает спектр индивидуальных стратегий — от реактивного выживания до проактивного роста — и приводит к формированию устойчивой «портфельной карьеры» как новой нормы трудового поведения. Таким образом, модель служит не только итоговой схемой исследования, но и основой для прогнозирования дальнейшей трансформации рынка труда и формулирования адресных мер политики.

Источник: составлено автором по результатам исследования.

Рис. 9. Самозанятость как адаптивный модуль в системе диверсифицированных стратегий занятости населения

Fig. 9. Self-Employment as an Adaptive Module Among Diversified Employment Strategies

Заключение

Проведенное исследование выявило различные стратегии занятости населения России в рамках самозанятости. В результате был зафиксирован ее двойственный характер как ключевой адаптивный инструмент, формирующий новые модели трудового поведения в условиях структурной трансформации рынка труда.

Полученные результаты, основанные на триангуляции макростатистических данных, анализа цифрового следа и контент-анализа сообщества самозанятых, подтверждают выделяемую российскими и зарубежными исследователями дихотомию самозанятости как вынужденной адаптации к кризису стандартной занятости и одновременно как проактивной стратегии в gig-экономике. Настоящее исследование эмпирически демонстрирует, что в российском контексте эти два вектора не противостоят друг другу, а сосуществуют, формируя спектр гибридных практик, что верифицирует тезис о размытом разделении форм занятости.

В работе осуществлена операционализация понятия «диверсификация стратегий занятости» через призму самозанятости и демонстрации ее реализации на трех уровнях: макро- (региональные диспропорции, масштабы), мезо- (поведенческие паттерны поиска) и микро- (полимотивационные установки). Предложенная на рис. 9 обобщающая модель интегрирует эти уровни, пред-

ставляя самозанятость как системный модуль в формировании «портфельной карьеры».

В прикладном отношении результаты исследования указывают на необходимость пересмотра подхода к специальному налоговому режиму со стороны органов, формирующих политику в сфере занятости. Его следует рассматривать не только как фискальный инструмент, но и как значимый элемент социально-экономической политики, требующий баланса между стимулированием легальной экономической активности и обеспечением устойчивости трудовых траекторий в условиях перманентной неопределенности. Самозанятость утвердилась в России не как маргинальный сегмент рынка труда, а как институционализированный драйвер диверсификации занятости, требующий дальнейшего междисциплинарного изучения и адаптивной политики регулирования.

Литература

1. Алиева П. Р., Алиев И. А. Самозанятость как драйвер развития трудоизбыточно-го рынка труда // Экономика труда. 2023. Т. 10. № 12. С. 1855–1866. DOI: 10.18334/et.10.12.120196.
2. Бычков Д., Гришина Е., Локтюхина Н., Феоктистова О. Преимущества и риски самозанятости и платформенной занятости // Экономическая политика. 2024. Т. 19. № 4. С. 60–83. DOI: 10.18288/1994-5124-2024-4-60-83.
3. Гневашева В. А., Ильдарханова Ч. И. Типовые социально-экономические поведенческие ориентации женщин на республиканском рынке труда Татарстана // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 1. С. 93–117. DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.700.
4. Колесник Е. А., Половинко В. С. Трудовая мобильность в системе стратегий занятости населения региона // Вестник университета. 2023. № 7. С. 99–108. DOI: 10.26425/1816-4277-2023-7-99-108.
5. Мамонтова С. В., Мальсагов М. К. Трансформация процессов занятости населения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11. № 5. С. 195–207. DOI: 10.21869/2223-1552-2021-11-5-197-207.
6. Муханова М. Н. Социально-трудовая адаптация сельского населения в условиях институциональной трансформации российского села // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10. № 4. С. 64–80. DOI: 10.19181/snsp.2022.10.4.9283.
7. Пацюрковский В. В. Самозанятость — ответ части экономически активного населения на кризис стандартных трудовых отношений // Народонаселение. 2020. Т. 23. № 1. С. 88–103. DOI: 10.19181/population.2020.23.1.8.
8. Покида А. Н., Зыбуновская Н. В. Заработная плата как значимый предиктор трудового поведения работников // Социально-трудовые исследования. 2024. № 1(54). С. 83–98. DOI: 10.34022/2658-3712-2024-54-1-83-98.
9. Сизова И. Л. Стратегии поддержания занятости и профессионализма российскими работниками // Журнал социологии и социальной антропологии. 2024. Т. 27. № 2. С. 38–62. DOI: 10.31119/jssa.2024.27.2.2.
10. Темницкий А. Л. Результативность трудового поведения домохозяйств в условиях трансформации отношений собственности и условий занятости // Мир России. 2020. Т. 29. № 2. С. 134–155. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-2-134-155.
11. Темницкий А. Л. Формирование индивидуальной субъектности наемных работников в условиях внеорганизационной занятости // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: Сборник докладов VI Все-

- российского социологического конгресса, Тюмень, 14–16 октября 2020 г. / отв. ред. В. А. Мансуров. Тюмень: Российское общество социологов, 2020. С. 4142–4150. DOI: 10.19181/kongress.2020.489.
12. Чекмарев О. П., Лукичев П. М., Конев П. А. Самозанятые в России: легализация, тенденции развития и влияние на рынок труда // Экономика труда. 2022. Т. 9. № 2. С. 233–248. DOI: 10.18334/et.9.2.114222.
  13. Bögenhold D. From Hybrid Entrepreneurs to Entrepreneurial Billionaires: Observations on the Socioeconomic Heterogeneity of Self-Employment // American Behavioral Scientist. 2018. Vol. 63. No 2. P. 129–146. DOI: 10.1177/0002764218794231.
  14. Cieřlik J., Dvouletý O., Van Stel A. Expansion and Job Creation Strategies in Different Solo Self-Employment Segments // International Entrepreneurship and Management Journal. 2025. Vol. 21. P. 21–91. DOI: 10.1007/s11365-025-01129-x.
  15. Danson M., Galloway L., Sherif M. From Unemployment to Self-Employment: Can Enterprise Policy Intensify the Risks of Poverty? // Critical Perspectives on Accounting. 2020. Vol. 75. Issue 1. P. 21–64. DOI: 10.1016/j.cpa.2020.102164.
  16. Feldman D., Bolino M. Career Patterns of the Self-Employed: Career Motivations and Career Outcomes // Journal of Small Business Management. 2000. Vol. 38. No 3. P. 53–67.
  17. Koch M., Park S., Zahra S. Career Patterns in Self-Employment and Career Success // Journal of Business Venturing. 2019. Vol. 36. No 1. Article 107531. <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0883902618307316>. DOI: 10.1016/j.jbusvent.2019.105998.
  18. Patrick C., Stephens H., Weinstein A. Where Are All the Self-Employed Women? Push and Pull Factors Influencing Female Labor Market Decisions // Small Business Economics. 2016. Vol. 46. No 3. P. 365–390. DOI: 10.1007/s11187-015-9697-2.
  19. Taylor M. Earnings, Independence or Unemployment: Why Become Self-Employed? // Oxford Bulletin of Economics and Statistics. 1996. Vol. 58. P. 253–266. DOI: 10.1111/j.1468-0084.1996.mp58002003.x.

References

1. Alieva P. R., Aliev I. A. Samozanyatost' kak drayver razvitiya trudoizbytochnogo rynka truda [Self-Employment as a Driver of the Development of the Labor Surplus Market]. *Ekonomika truda [Russian Journal of Labour Economics]*, 2023, vol. 10, no. 12, pp. 1855–1866. DOI: 10.18334/et.10.12.120196. (In Russ.)
2. Bychkov D., Grishina E., Loktyukhina N., Feoktistova O. Preimushchestva i riski samozanyatosti i platformennoy zanyatosti [Strengths and Weaknesses of Self-Employment and Platform Work in Russia]. *Ekonomicheskaya politika [Economic Policy]*, 2024, vol. 19, no. 4, pp. 60–83. DOI: 10.18288/1994-5124-2024-4-60-83. (In Russ.)
3. Gnevasheva V. A., Ildarhanova Ch. I. Tipovye sotsial'no-ekonomicheskie povedencheskie orientatsii zhenshchin na respublikanskom rynke truda Tatarstana [Typical Socio-Economic Behavioral Orientations of Women in the Tatarstan Labor Market]. *Vestnik Instituta sotsiologii [Bulletin of the Institute of Sociology]*, 2021, vol. 12, no. 1, pp. 93–117. DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.700. (In Russ.)
4. Kolesnik E. A., Polovinko V. S. Trudovaya mobil'nost' v sisteme strategiy zanyatosti naseleniya regiona [Labor Mobility in the System of Employment Strategies of the Region's Population]. *Vestnik universiteta [University Bulletin]*, 2023, no. 7, pp. 99–108. DOI: 10.26425/1816-4277-2023-7-99-108. (In Russ.)
5. Mamontova S. V., Malsagov M. K. Transformatsiya protsessov zanyatosti naseleniya [Transformation of Employment Processes]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment [Proceedings of the Southwest State University. Series: Economy. Sociology. Management]*, 2021, vol. 11, no. 5, pp. 195–207. DOI: 10.21869/2223-1552-2021-11-5-197-207. (In Russ.)
6. Mukhanova M. N. Sotsial'no-trudovaya adaptatsiya sel'skogo naseleniya v usloviyakh institucional'noy transformatsii rossiyskogo sela [Social and Labor Adaptation of Rural Population in the Conditions of Institutional Transformation of the Russian Village].

- Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika [Sociology and Social Practices]*, 2022, vol. 10, no. 4, pp. 64-80. DOI: 10.19181/snsp.2022.10.4.9283. (In Russ.)
7. Patsiorkovsky V. V. Samozanyatost' - otvet chasti ekonomicheskii aktivnogo naseleniya na krizis standartnykh trudovykh otnosheniy [Self-Employment as Response of the Part of Economically Active Population to the Crisis of Standard Labor Relations]. *Narodonasele- nie [Population]*, 2020, vol. 23, no. 1, pp. 88-103. DOI: 10.19181/population.2020.23.1.8. (In Russ.)
  8. Pokida A. N., Zybulovskaya N. V. Zarabotnaya plata kak znachimyy prediktor trudovogo povedeniya rabotnikov [Remuneration as a Significant Predictor of Employees' Labor Behavior]. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya [Social and Labor Research]*, 2024, no. 1(54), pp. 83-98. DOI: 10.34022/2658-3712-2024-54-1-83-98. (In Russ.)
  9. Sizova I. L. Strategii podderzhanii zanyatosti i professionalizma rossiyskimi rabotnikami [Strategies for Maintaining Employment and Professionalism among Russian Workers]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii [The Journal of Sociology and Social Anthropol- ogy]*, 2024, vol. 27, no. 2, pp. 38-62. DOI: 10.31119/jssa.2024.27.2.2. (In Russ.)
  10. Temnitskiy A. L. Rezul'tativnost' trudovogo povedeniya domokhozyaystv v usloviyakh transformatsii otnosheniy sobstvennosti i usloviy zanyatosti [The Labor Productiv- ity of Household Members in the Context of Transforming Property Relations and Em- ployment Conditions]. *Mir Rossii [Universe of Russia]*, 2020, vol. 29, no. 2, pp. 134-155. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-2-134-155. (In Russ.)
  11. Temnitskiy A. L. Formirovanie individual'oy sub'ektnosti naemnykh rabotnikov v uslovi- yakh vneorganizatsionoy zanyatosti [The Employees' Individual Subjectivity Creation in the Conditions of Self-Employed Activity]. In: Mansurov V. A. (ed.). *Sotsiologiya i ob- shchestvo: traditsii i innovatsii v sotsial'nom razvitii regionov: Sbornik dokladov VI Vserossiyskogo sotsiologicheskogo kongressa [Sociology and Society: Traditions and Innovations in the Social Development of Regions: Collection of Reports of the VI All-Russian Sociological Congress, Tyumen, 14-16 October 2020]*. Tyumen, Russian Society of Sociologists, 2020, pp. 4142-4150. DOI: 10.19181/kongress.2020.489. (In Russ.)
  12. Chekmarev O. P., Lukichev P. M., Konev P. A. Samozanyatyte v Rossii: legalizatsiya, tenden- tsii razvitiya i vliyanie na rynek truda [Self-Employed in Russia: Legalization, Develop- ment Trends and Impact on the Labor Market]. *Ekonomika truda [Russian Journal of Labour Eco- nomics]*, 2022, vol. 9, no. 2, pp. 233-248. DOI: 10.18334/et.9.2.114222. (In Russ.)
  13. Bögenhold D. From Hybrid Entrepreneurs to Entrepreneurial Billionaires: Observations on the Socioeconomic Heterogeneity of Self-Employment. *American Behavioral Scientist*, 2018, vol. 63, no. 2, pp. 129-146. DOI: 10.1177/0002764218794231.
  14. Ciešlik J., Dvouletý O., Van Stel A. Expansion and Job Creation Strategies in Different Solo Self-Employment Segments. *International Entrepreneurship and Management Journal*, 2025, vol. 21, pp. 21-91. DOI: 10.1007/s11365-025-01129-x.
  15. Danson M., Galloway L., Sherif M. From Unemployment to Self-Employment: Can Enter- prise Policy Intensify the Risks of Poverty? *Critical Perspectives on Accounting*, 2020, vol. 75, issue 1, pp. 21-64. DOI: 10.1016/j.cpa.2020.102164.
  16. Feldman D., Bolino M. Career Patterns of the Self-Employed: Career Motivations and Career Outcomes. *Journal of Small Business Management*, 2000, vol. 38, no. 3, pp. 53-67.
  17. Koch M., Park S., Zahra S. Career Patterns in Self-Employment and Career Success. *Journal of Business Venturing*, 2019, vol. 36, no. 1, article 107531. <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0883902618307316>. DOI: 10.1016/j.jbusvent.2019.105998.
  18. Patrick C., Stephens H., Weinstein A. Where Are All the Self-Employed Women? Push and Pull Factors Influencing Female Labor Market Decisions. *Small Business Economics*, 2016, vol. 46, no. 3, pp. 365-390. DOI: 10.1007/s11187-015-9697-2.
  19. Taylor M. Earnings, Independence or Unemployment: Why Become Self-Employed? *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*, 1996, vol. 58, pp. 253-266. DOI: 10.1111/j.1468-0084.1996.mp58002003.x.